

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В 2011—2012 гг.

Мирослав Хабовский, кандидат политических наук, Вроцлавский университет

Местоположение Польши между Россией и Германией обуславливает приоритеты внешней политики страны. Однако, после 1989 г. некоторые политические круги оспаривали этот факт. Влиятельный в начале 90-х гг. XX в. политик Здзислав Найдер полемизировал с этим тезисом, аргументируя, что «Германия в политическом и военном отношении включена в контролирующие ее органы НАТО и Европейского содружества»¹. В итоге он считал, что угроза для Польши может исходить только со стороны СССР—России². Получение членства в НАТО и Евросоюзе представлялось как вход «в страну свободы, которая держится на солидном фундаменте»³, а находящийся с 2007 г. у власти кабинет Дональда Туска хвалили за свержение стереотипа Польши как «детерминистически и необратимо заключенной между Германией и Россией»⁴. Однако выше представленная точка зрения имеет своих критиков. Выдающийся знаток немецкой проблематики Здзислав Краснодэмбски очень точно описывает все более опасные для Польши тенденции в немецкой исторической и внешней политике. Показывает также, что, пожалуй, немцы все больше контролируют Евросоюз, а не наоборот, а контроль со стороны НАТО (союз ФРГ с США) был серьезно ослаблен в 2002 г. в связи с иракским кризисом⁵. Близкая последнему автору оппозиционная политическая формация (Право и справедливость) вообще выражает свое беспокойство близкими отношениями Берлина и Москвы, формулируя тезис, что современная Польша является (может, вследствие деятельности правительства Дональда Туска, в скором времени стать) российско-немецким кондоминиумом⁶. Газета «Речпосполита» (*«Rzeczpospolita»*) не соглашается с таким диагнозом, и признает, что Польша не является в полной мере суверенным государством, но также не является суверенной Германия и другие члены Евросоюза: «наш суверенитет ограничен, прежде всего, законодательством Евросоюза, а не влиянием соседних держав. Это видно на примере спора, касающегося нового газового контракта с Россией, когда дошло до парадокса: правительство Дональда Туска реализовало «суверенную» экономическую политику и вело переговоры по договору, пробуя при этом обойти законы, действующие в Евросоюзе. За это его остро критиковала партия Ярослава Качинского. Тем временем подчинение правилам, продиктованным Евросоюзом, связанным с передачей Брюсселю части наших прерогатив, может нас уберечь перед чрезмерной зависимостью от Газпрома»⁷. Совершенно иначе, непохоже на выше упомянутые точки зрения, оценили ситуацию Польши наследники реалистичной школы политического мышления, основанной на стыке XIX и XX столетий Романом

Дмовским. Они считали, что Евросоюз ограничивал суверенитет Польши, будучи от истоков своего существования инструментом политики Берлина, а не ограничением суверенитета Германии⁸.

В своем выступлении в 2012 г. министр иностранных дел Радослав Сикорский также обратился к теме этой дискуссии. Он однозначно размстил Польшу в границах Запада, а относительно проблемы эвентуального отсутствия суверенитета, вытекающего из выше упомянутого факта, отделался тезисом, который был известен еще в то время, когда Польша в 1944—1989 гг. была частью советского Востока, что понятие суверенитета необходимо пересмотреть. При этом придал этому понятию крайне субъективное понимание — пренебрежительное исполнение государством объективных критериев самовластности и всецелой властности. Доказательством того, что Польша это суверенное государство является следующее убеждение министра Сикорского — «Добровольно подчиняясь юрисдикции Международного Суда или передавая нашего гражданина суду страны Евросоюза на основе европейского ордера на арест, *чувствуем* (выделено автором. — М. Х.) ли мы, что потеряли свою автономию? Теряем ли мы *чувство* (выделено автором. — М. Х.) того, что являемся хозяевами в собственном доме, реализуя ту или иную европейскую директиву? *Теряем ли мы радость* (выделено автором. — М. Х.) независимости после проигранного голосования в Европейском парламенте? Я думаю — нет. Таким образом, суверенитет сегодня это что-то более тонкое, чем монополия политической власти. Это *чувство* (выделено автором. — М. Х.) того, что ни на каком этапе укрепления международного сотрудничества мы не теряем способности субъекта к принятию выгодных или ошибочных решений. Другими словами, так как это понимали наши предки, ничто не решается без нас. Для нас важно, добровольно ли мы подчинились данным условиям и сможем ли мы в конечном результате отказаться от них. Оба эти условия соблюдает процесс европейской интеграции. В Евросоюз мы вошли после долгих стараний, в результате общенародного референдума. А Лиссабонский договор, выгодных условий которого добился путем переговоров президент Лех Качинский, предусматривает порядок выхода из Евросоюза»⁹.

Следовательно, понятие суверенитета в польских политических дебатах теряет какое-либо значение: «может обозначать две совершенно противоположные позиции: независимость в принятии решений и ограничение этого суверенитета»¹⁰. Наглядным примером крайнего замешательства в этом вопросе могут служить слова видного политика Польской крестьянской партии: «Несмотря на то, что много решений принимается в Брюсселе, не означает это, что наш суверенитет каким-либо способом ограничивается»¹¹. Один выдающийся представитель «Гражданской платформы» уверял (хотя никоим образом не доказывал), что дальнейший перенос полномочий национального государства на уро-

вень Евросоюза, т. е. «бесспорно более глубокая интеграция не является угрозой для суверенитета», а другой объяснял: «Фискальный пакет (...) это нечто иное, как финансовый надзор в ситуации кризиса за бюджетом государств-членов. Это не является утратой суверенитета»¹². Премьер-министр Туск прямо говорил о «суверенитете Европы», а к Евросоюзу относился не как к международной организации, но как к субъекту, имеющему характер государства, и который можно сравнить с другими государствами: «процесс принятия решений (в Евросоюзе) мог быть хоть немного сравним с процессом принятия решений в США, Индии, Бразилии, Китае, т. е. в тех государствах, которые являются главными глобальными игроками и которые могут, что является натуральным, быстрее и более однозначно принимать решения, чем Евросоюз»¹³. Один из депутатов Гражданской платформы постулировал: «Евросоюз должен быть независим относительно других мировых держав, таких как США или Китай»¹⁴. Складывается впечатление, что правящая элита относится к получению членства в Евросоюзе как к удачному «бегству от свободы» и приходит в ужас от мысли о возможной перспективе распада Евросоюза и вытекающей из этого необходимости вести самостоятельную государственную политику: «Будущее Польши вне Евросоюза нелегко сегодня нарисовать в светлых тонах» констатировал Д. Туск, одновременно отмечая, что большинство государств Евросоюза «не оглядывается ни на кого, только хочет замкнуться в кругу самых сильных, самых безопасных и, возможно, хочет сбросить с себя хотя бы часть ответственности за все двадцать семь государств»¹⁵. Министр Сикорский дополнял: «Где находится Польша в этом пессимистическом сценарии [распада Евросоюза]? Оставленная в одиночестве на периферии Европы, погруженной в маразм, борющаяся с незавершенной модернизацией и лишенная стабильного фундамента безопасности»¹⁶. «Находясь в изоляции — дополнял известный депутат "Гражданской платформы", а "изоляция" понимал как суверенитет в нормальном смысле этого слова — мы не сможем обеспечить поляков благосостоянием»¹⁷.

Необходимо подчеркнуть, что министр Р. Сикорский в своем выступлении в Сейме, кроме вызывающей жалость пропаганды успеха («современная Польша самая лучшая, какую мы имели»), отметил ухудшение международной ситуации Польши. Однако он не связывает эту ситуацию с состоянием отношений между Германией и Россией или позицией Польши в Европе, а с упадком позиции Запада в глобальной расстановке сил и с внутренними проблемами Евросоюза: «Международная конъюнктура Польши все еще положительная, хотя ухудшилась по сравнению с не таким отдаленным прошлым. Я не вижу угрозы для поляков, а Польша из года в год все ближе к достижению надлежащего ей места в мире. Экономическая и военная сила Запада и его престиж уменьшились. В Европе все чаще нарушается совместный метод принятия решений, а кризис экономики уменьшил цивилизаторскую привлекатель-

ность и влияние ЕС. США уменьшает военный бюджет и переориентирует свою политику на тихоокеанский регион. Благодаря высоким ценам на сырье и решительное лидерство России, можно заметить попытки объединения постсоветских государств вокруг альтернативного для Европы политического центра»¹⁸. Ситуация самой же Польши, по мнению правящего лагеря, превосходная: «Польша не является второстепенным государством в Европе», — заверял депутат Роберт Тышкевич («Гражданская платформа»). — «Мы вернули себе инициативу, способность вести диалог как с нашими партнерами в Евросоюзе, так и с соседями на Востоке. Это, по всей вероятности, наиболее очевидное, доступное каждому гражданину наблюдение»¹⁹. «Мы на верном пути. На сегодняшний день голос Польши в Европе слышат и слушают, а наши предложения партнеры серьезно анализируют и изучают»²⁰ — подтверждает министр Р. Сикорский.

Иначе ситуацию рассматривает стоящая в оппозиции к «Гражданской платформе» партия «Право и справедливость», которая упрекает Сикорского в том, что он с давних пор «хвастается значением и позицией нашего государства», но при этом несерьезно относится к своим гражданам, которым в Информации на тему направлений внешней политики вместо глубокого анализа, представляет «беседу об успехах приукрашенную *бонмо*».

Бывший вице-министр иностранных дел Витольд Вашиковский спрашивал Сикорского: «Вы сказали, что международная конъюнктура все еще положительная, но можно заметить ее ухудшение. Так скажите конкретно, какая она? Это звучит как изречение Валенсы — *за и даже против*²¹. Является ли создание Россией альтернативного Европе политического центра на Востоке единственной проблемой? Разве МИД не замечает явного отхода от демократии и прогноза мощного вооружения в России? (...) Мы уже привыкли к хвастовству и гордости за польское руководство в Евросоюзе. Я знал, что вы забросаете нас лестными цитатами из СМИ, так оно и случилось. (...) Я припомню, что дипломатия государства не оценивается мерой заграничной лести, оценивается она через призму реализации государственных интересов. В последние месяцы нам болезненно припомнили о том, что именно государственные интересы являются главным критерием деятельности государства, а не мифологические европейские, союзные. После долгих лет обольщения нас европейской идиллией, «дуэт Меркози» грубо показал, кто правит в Евросоюзе. На наших глазах на территории Евросоюза начались создаваться разные сферы влияния. Стержнем является немецко-французский дуэт, хотя в этом дуэте доминирующую позицию занимает Берлин. Следующая сфера — это зона евро, а последующая — еще не до конца уточненная — пакт Европлюс, к которому будут принадлежать все страны — участницы финансового договора, хотя будут они иметь разный статус. Это касается 27 государств Евросоюза, а также Хорва-

тии, которая ожидает принятия в Евросоюз. Всю эту галиматью в сферах влияния следует еще дополнить иллюстрацией все еще не решенного финансового кризиса Греции и нескольких государств еврозоны, которыми занимаются международные финансисты. Именно они назначают премьеров в Афинах и Риме. Такая ситуация в Европе сложилась именно во время польского руководства в Евросоюзе. Это и есть позитивная конъюнктура, но в которой заметно ухудшение?»²².

Для полного понятия значения приведенного выше упрека со стороны правого крыла оппозиции, следует припомнить, что одним из главных канонов польской европейской политики было предотвращение опасности создания в Евросоюзе групп государств «с разной скоростью» интеграции.

«Не удалось принять удовлетворительного решения по вопросу приближения Украины к членству в Евросоюзе», — продолжил свое критическое подытоживание польской внешней политики за период 2011—2012 гг. депутат Вашиковский. — «Можно доискиваться оправдания во внутренних обусловленностях Киева, но бесспорным является факт, что польская сторона во время председательства в Евросоюзе имела все нужные инструменты, чтобы эффективно оказать давление на украинские власти и создать в Европе проукраинское лобби. Программа Восточного партнерства также не приблизила его участников к членству в Евросоюзе. Вопрос партнерства был поспешно использован в избирательной кампании для яркого пиара, с целью пропаганды, а затем о нем просто забыли». По мнению партии «Право и справедливость», факт подписания в Брюсселе договора присоединения Хорватии, а не в Варшаве, является признаком более серьезного явления: центральноевропейские государства перестают относиться к Польше как к выразителю интересов этой части Европы. Ко всему этому стоит добавить фактический раздел Вышеградской группы и ослабление связи с прибалтийскими странами (а в отношениях с Литвой — открытый конфликт). «Пренебрегая региональным сотрудничеством, в тоже время создавалось впечатление, что Польша имеет шанс стать государством, участвующим в принятии решений касательно политики ЕС. К этой роли должно было ее приблизить лишенное критики сотрудничество с Германией. Снискать расположение Германии мы также должны были, реализуя прагматическую политику в отношении России, т. е. отказываясь от каких-либо амбиций на Востоке, которые господин министр называет романтическими, державными иллюзиями. Наше второстепенное, дисциплинированное по отношению к могущественным покровителям место в регионе должен закрепить новый треугольник: Германия — Россия — Польша. Этот треугольник не допускает нас к процессу, который осуществляется, я имею в виду сотрудничество между Германией и Россией, он нас полностью изолирует от нашего региона. (...) Возлагание надежд на Германию и лест-

ное отношение к России, чтобы понравиться западноевропейской политкорректности, не принесло желаемого результата в качестве получения руководящей позиции в Европе»²³.

Критика со стороны «Права и справедливости» правильно оценивает слабые стороны внешней политики, реализованной правительством Д. Туска и обнажает ее пропагандистский характер с нотами хвастовства в исполнении министра Р. Сикорского. Однако, необходимо подчеркнуть, что члены правительства превосходно отдают себе отчет в том, что в международной среде существуют угрозы для Польши. Министр Сикорский в своей программной речи в Сейме, после формулирования «пересмотренной» концепции суверенитета, основанного на базе изменчивой природы международных отношений, после того как подверг сомнению анархистскую природу международных отношений, после презентации намерения модернизировать и демократизировать очередные страны (арабские и восточноевропейские), после того как оспорил значение категории «национальный интерес», заявил, что является политическим реалистом и осознает, что конец истории не наступил²⁴. Прозвучало это как реклама, что предыдущие высказанные мнения не стоит принимать всерьез, потому что, бесспорно, они основываются на концепции «конца истории» и либеральной, а не демократической теории международных отношений. В официальных заявлениях министра Сикорского за период 2011—2012 гг. четко прослеживается ссылка на либеральную и конструктивистскую концепции. Неизвестно как относиться в контексте декларации о приверженности реализму к обращению, чтобы в отношениях ЕС — Россия устранить логику игры с нулевой суммой или требования, чтобы Евросоюз в своей политике по отношению к России пытался ей навязать «европейские ценности»?²⁵. Особенно, когда мы сопоставим с трезвыми комментариями следующего рода: «Европейский союз является бытом материальным, а не трансцендентным, и именно поэтому мы в нем (...) имеем также дело с элементом баланса сил. В идеале все равны, но вы сами говорите (...) — обратился он к депутатам Права и справедливости — что, например, Германия является самой мощной экономикой, крупнейшим нетто-плательщиком, а это значит, что она имеет право на выражение своей воли особенно в финансовых вопросах». В свою очередь, отношение к так называемым «европейским ценностям», он выразил в полемике с одним из депутатов оппозиции: «Вы предложили очень много благородных правил, которыми, по вашему мнению, Евросоюз руководствуется. Скажу Вам откровенно, что было бы даже неплохо, если бы, на самом деле, так было, как Вы хотите, но, увы, так не получается»²⁶.

Премьер-министр Дональд Туск также осознает реальное положение дел. Пропаганда огромного успеха польского председательства и большого значения, благодаря которому получила Польша, стало важным элементом назойливой пропаганды успеха, которую рекламировала пра-

вящая коалиция «Гражданская платформа» — «Польская крестьянская партия». Однако, когда премьер-министр Д. Туск представил Сейму информацию о кризисе Европейского союза, удачно констатировал снижение во второй половине 2011 г. способности европейских учреждений в принятии решений и ситуацию хаоса в ЕС. Оппозиция приняла это во внимание и подняла вопрос о значении польского председательства, на что Д. Туск ответил, что Лиссабонский договор «помещает председательство именно там, где оно сегодня находится, т. е. много работы, немного репутации и очень небольшое влияние на политические механизмы»²⁷. Очень жаль, что этой трезвой констатацией политики «Гражданской платформы» не завершили размышлений об «успехах» польского председательства. Вместо этого предпочли критику оппозиции, которая посмела не восхищаться «успехами» правительства и нагло правительство критикует. В результате они должны были, однако, открыто усомниться в точке зрения собственного премьер-министра, убеждая, что «ротационное председательство, установленное Лиссабонским договором, все еще может играть реальную роль и воздействовать на способы решений и соглашений, разработанных в ЕС»²⁸.

В период правления Д. Туска, Польша отказалась от реализованной, по крайней мере, уже с 1999 г., стратегии *bandwagoning* в отношениях с США и заменила ее реализацией стратегии *bandwagoning* в отношениях с Германией. Один из членов «Гражданской платформы» оправдывался: «Дело в том, чтобы просто иметь четкое видение того, что для Польши является полезным — является ли в общем сотрудничество с Германией и создание такого стратегического союза выгодным или нет. Мне кажется, что это выгодно. Какова же альтернатива: поиск других партнеров, таких как Великобритания, которая во многих пунктах существенно отличается от нашей позиции, или, возможно, создание союза государств Центральной Европы, что, как я думаю, является полной фикцией? Мы действительно можем иметь очень много общих интересов, когда речь касается стран нашего региона, но никто нас не просит стать лидером этой группы государств. Примите это во внимание. Наша позиция в этом регионе будет тем сильнее, чем сильнее будет наше влияние, например, на немецкую политику и чем сильнее будет наше партнерство с Германией. Во всяком случае, американцы совершенно открыто дали нам понять, что позиция Польши в системе их союзного договора в значительной степени зависит от того, какую позицию и роль играет Польша в Евросоюзе»²⁹.

Признание первенства Германии в политике правительства Д. Туска выразилось символически — в 2011 г. в своем выступлении премьер-министр не учел вопросы внешней политики. Важное выступление в этой сфере имело место в конце ноября 2011 г. в Берлине. В своем выступлении Сикорский, обращаясь с призывом к Берлину, чтобы тот принял более активное участие в обороне евро, заявил: «Немцы стали не-

обходимой нацией в Европе. Вы не можете позволить себе на поражение предводительства. Вы не можете доминировать, вы можете возглавлять реформы. Если вы подключите нас к процессу принятия решений, можете тогда рассчитывать на поддержку со стороны Польши». Сикорский не уточнил, будет ли эта поддержка для Германии иметь иные условия, чем только обеспечение Варшаве формального участия в «процессе принятия решений», касающихся еврозоны. Несмотря на предвыборные обещания «Гражданской платформы», данные ей несколько месяцев назад, Сикорский заявил о готовности Польши к присоединению к еврозоне, заверяя о том, что поляки и правительство дали ему полномочия. При этом он декларировал готовность Варшавы к компромиссу «даже в сфере общего подхода к суверенитету — в обмен на честную позицию в сильнейшей Европе». Популяризируя концепцию европейской федерации, против которой ранее Польша выступала — Сикорский отметил: «Чем больше полномочий и легитимности мы передадим федеральным учреждениям, тем больше государства-члены должны быть утверждены *в убеждении* (выделено автором. — М. Х.), что некоторые прерогативы, такие как широкий круг вопросов, касающихся национальной идентичности, религии, стиля жизни, общественной морали и ставки налога на прибыль и НДС, должны безоговорочно остаться в ведении государств». Как видно, это очень узкие полномочия, более того, НДС регулируется законодательством ЕС, и Польша, за анализируемый период, должна была увеличить НДС на детскую обувь и одежду.

Р. Сикорский, выступая в Берлине, постулировал введение в ЕС обязанность передачи министрами финансов бюджетных расчетов соответствующим лицам и Европейской комиссии, прежде чем передадут их в парламент своей страны. Комиссия и Еврогруппа должны были также получить «право на детальное исследование с опережением всех основных экономических планов, последствия которых могли бы ощутить в еврозоне; они вводили бы санкции против тех стран, которые не внедрили политические рекомендации». Он также предложил — вопреки существующей позиции Польши — сокращение состава Комиссии и введение правила ротации во время их назначения государствами-членами. Дальнейшие предложения представляют собой объединение постов председателя Европейского совета и Европейской комиссии и их выбор посредством прямых выборов «европейским народом». Оппозиция отметила, что постулаты Сикорского — это повторение предложений правящих немецких партий³¹.

Поддержка политики Берлина втянула Польшу в конфликт с Великобританией. Политики правящего лагеря, открыто и особо не выбирая выражений, критиковали Лондон³². В связи со спорами, касающимися конкретных положений финансового договора (участие государств, не входящих в зону евро, в принятии решений), произошел также спор с Парижем (Берлин был в нем представлен в качестве союзника Варша-

вы, но не столь сильным, чтобы убедить Францию пересмотреть свою позицию). Польское правительство также демонстративно проигнорировало визит в Варшаву фаворита на президентских выборах во Франции Ф. Олланда. Стоит припомнить, что канцлер Германии А. Меркель открыто поддержала Н. Саркози³³.

В отношениях с Россией второе правительство Д. Туска продолжило декларируемую в выступлении в 2007 г., политику сотрудничества с «Россией такой какая она есть». Польский МИД не возражал против процедуры парламентских выборов 4 декабря 2011 г., не поддерживал демонстрации оппозиции против В. Путина, а сам министр Р. Сикорский прибыл с визитом в Москву 14 декабря 2011 г., в ходе которого встретился с премьер-министром С. Лавровым и подписал договор о малом приграничном передвижении³⁴. Президент Б. Коморовский поздравил В. Путина с победой в президентских выборах³⁵. Стоит отметить, что в своем выступлении Д. Туск, в связи с получением награды имени Ратенова, отрицательно отнесся к традиции символизированной Рапалло — символ «взаимодействия Москвы и Берлина, которое иногда происходило ценой Польши». Туск указал на положительную альтернативу этой политике — концепцию «Срединной Европы» (*Mitteleuropa*) Фридриха Науманна, которая была описана — не совсем правдиво — как «создание самостоятельных государств в Центральной Европе». Премьер-министр Польши убеждал своих немецких слушателей в том, что «Ратенов не имел особых иллюзий относительно характера тогдашней России. Достоинно ценил этого партнера за богатство сырья и рынок сбыта, но не скрывал своего слегка пренебрежительного отношения к России, когда дело касалось аспектов культуры», а свое выступление завершил призывом, чтобы «дух Рапалло, который завершился катастрофой для Германии, не был духом современной политики»³⁶.

Снизилось значение отношений с США. Это видно по конструкции выступления министра Сикорского, в котором он о них упомянул в последнем фрагменте, посвященном двусторонним отношениям. Небольшое значение Польши для Вашингтона выразил президент США Б. Обама во главе с демократами, официально используя несоответствующий исторической правде термин «польские концлагеря». Таким образом, президент США присоединился к операции замены местами Польши и Германии как виновника геноцида еврейского населения во время Второй мировой войны³⁷. Напомним, что решение США об отказе от размещения противоракетного щита президент Обама озвучил польским властям 17 сентября 2009 г. — в годовщину нападения СССР на Польшу в 1939 г.

В вопросах функционирования НАТО, основными задачами этого альянса польское правительство считает «поддержку союзной оборонной способности на уровне, гарантирующем равную безопасность

для всех государств-членов» (достоверность гарантий, содержащихся в ст. V и обеспечение участия в «решении проблем», находящихся вне договорной сферы). Заявляет о своей поддержке для «политики открытых дверей» (особенно в отношении Украины и Грузии), а также для военного присутствия США в Европе (измененная программа противоракетного щита). И, наконец, Польша выступает за совместный вывод войск государств — членов НАТО из Афганистана в 2014 г.³⁹.

Нельзя не заметить, что официальные программные документы (как выступления министра, так и «Приоритеты польской внешней политики на 2012—2016 гг.») немного места уделяют государствам, находящимся вне евроатлантического и восточноевропейского региона. Стоит, однако, вспомнить первый, с 1987 г., визит в Польшу в апреле 2012 г. главы правительства Китая премьер-министра Вэнь Цзябао⁴⁰.

Представляется, что наилучшее подведение итогов польской внешней политики в 2011—2012 гг. принадлежит самому Р. Сикорскому, завершившему одно из своих выступлений словами Пилсудского: «У слабости результат всегда один — пристрастие к великим словам без содержания»⁴¹.

¹ Najder, Z. *Z Polski do Polski poprzez PRL*. — Warszawa, 1995. — S. 89.

² На сегодняшний день тезис об отсутствии опасности со стороны Германии и постоянной угрозе со стороны России («державы, которая не остановится перед применением грубой военной силы, экономического шантажа и дестабилизирующего действия своих спецслужб, чтобы навязать соседям свою политическую волю») обосновывает, в частности, П. Журавский vel Граевский — P. Żurawski Grajewski. *Polska polityka wschodnia // Geopolityka — siła — wola. Rzeczypospolitej zmagania z losem*. — Kraków, 2010. — S. 294—295.

³ Kuźniar, R. *Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 2008. — S. 317.

⁴ Tenże. *Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 2012. — S. 333.

⁵ Krasnodębski, Z. *Zmiana klimatu*. — Kraków, 2006, tenże, *Zwycięzca po przejściach*. — Kraków, 2012.

⁶ Gójska-Hejke, K., Sakiewicz, T. *Tusk nadal boi się Lecha Kaczyńskiego. Rozmowa z Jarosławem Kaczyńskim // niezaleźna.pl*, 13.11.2011. Одиннадцать месяцев спустя, обосновывая предложение о воступе недоверия министру иностранных дел, депутат В. Вашиковский («Право и справедливость») однозначно заявил: «министр Сикорский за годы своей многолетней деятельности привел к маргинализации позиции Польши (...) а также к зависимости внешней польской политики от соседей — Германии и России». *Kancelaria Sejmu, Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, VII kadencja. Pełny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Spraw Zagranicznych (N 2) z dnia 13 grudnia 2011 r.* — S. 12.

⁷ Magierowski, M. *Kto rządzi w naszym kondominium // <www.rp.pl>*. — 13.09.2010. Стоит, однако, заметить, что «Речпосполита» в ином случае писала, что нет противоречия между «полным суверенитетом», а членством в ЕС: «свобода решать за себя обозначала, попросту, включение в структуры Запада, членство в ЕС и НАТО».

⁸ Giertych, R. *Kontrewolucja młodych // Inicjatywa Wydawnicza «ad astra»*. — Warszawa, 1994. — S. 85—87; Ryba, M. *Dokąd dryfuje Europa? // Nasz Dziennik*. — 08.05.2012; Łopuszański, J. *Perspektywy regionalizacji // Nasz Dziennik*. — 2—3.06.2012.

⁹ Sikorski, R. Informacja Ministra Spraw Zagranicznych o założeniach polskiej polityki zagranicznej w 2012 roku // www.msz.gov.pl. — 29.03.2012.

¹⁰ Łagowski, B. Duch i bezduszość III Rzeczypospolitej // *TAiWPN Universitas*. — Kraków, 2007. — S. 202. Несомненно, политические элиты, выступающие за необходимость пересмотра понятия суверенитета, в полной мере осознают, каково истинное значение выражения «суверенитет» и они не сомневаются, что Польша не является суверенным государством. Депутат Тадеуш Ивиньский (Союз левых демократов) на заседании Комитета по международным делам 13.12.2011 г. заявил, что «сегодня нет государств *stricto* суверенных» (*Pelny przebieg*. — S. 18). Р. Сикорский, свидетельствуя перед Конгрессом США (17.06.2003 г.), сказал: «Многие европейцы признают, что только проект европейской интеграции приведет к исчезновению войн, и они готовы за это заплатить цену потери суверенитета», а четыре года спустя, в интервью с польским журналистом отметил: «Я считаю нелепым видеть угрозу в том, что ЕС могло бы стать политическим органом или даже государственным, так как Евросоюз уже им является». Warzecha, L. *Strefa zdekomunizowana. Wywiad rzeka z Radkiem Sikorskim* // AMF. — Warszawa, 2007. — S. 257, 287. Возникает, однако, вопрос, что имел в виду Р. Сикорский, когда в своем первом выступлении одновременно обратился к нормальному пониманию выражения «суверенитет» как к самовластности и всецелости (указывая на то, что ПНР еще двадцать лет назад не имела суверенитета) и так же заявил: «в наших интересах мирная интеграция Европы. Не бойтесь этого процесса, мы не пугаем наших граждан угрозой создания европейской сверхдержавы, таящей мнимое подданство более великим державам и более сильным. Не в этом заключается и не так происходит процесс развития и интеграции Европы. Не только мы не соглашаемся на подданство, не соглашается ни один из европейских народов». Sikorski, R. Informacja ministra spraw zagranicznych o założeniach polskiej polityki zagranicznej w 2008 r. // 15. posiedzenie VI kadencji Sejmu. — 07.05.2008. Также председатель сеймового Комитета по международным делам депутат Гжегож Схетына (Гражданская платформа), повторил вслед за тем, как министр Сикорский декларировал следующий шаг в направлении пересмотра выражения «суверенитет», что Польша обрела суверенитет в 1989 г. Schetyna, G. 11. posiedzenie VII kadencji Sejmu. 29.03.2012.

¹¹ Żelichowski, S. 3. posiedzenie Sejmu VII kadencji. — 15.12.2011 // www.sejm.gov.pl.

¹² Schetyna, G., Witczak, M. Wystąpienia na 3. posiedzeniu Sejmu.

¹³ Tusk, D. Informacja Prezesa Rady Ministrów w sprawie przyszłości Unii Europejskiej // 3. posiedzenie Sejmu VII kadencji. — 15.12.2011.

¹⁴ Krzakała, M. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011.

¹⁵ Tusk, D. Informacja Prezesa Rady Ministrów w sprawie przyszłości Unii Europejskiej.

¹⁶ Jak wyżej; Sikorski, R. Informacja...w 2012 roku.

¹⁷ Rosati, D. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011. Что интересно, в дальнейшем высказывании депутат этой якобы либеральной партии, аргументировал, что свободный рынок, который вынуждает к рациональному финансовому поведению, на самом деле является рабством, поэтому отказ от собственной валюты не означает потери независимости в финансовой политике. Аналогично Д. Туск, во время этих же дебатов, аргументировал, что суверенитет означает принятие ошибочных решений в экономике [ЕС, по определению, принимает точные решения].

¹⁸ Sikorski, R. Informacja...w 2012 roku

¹⁹ Kancelaria Sejmu, Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, VII kadencja, Pelny zapis przebiegu posiedzenia Komisji Spraw Zagranicznych (nr 2) z dnia 13 grudnia 2011 г., s. 13 (wypowiedź posła Roberta Tyszkiewicza (PO)).

²⁰ R. Sikorski, Informacja... w 2012 roku

²¹ Лех Валенса, первый руководитель движения «Солидарность» и президент Польши в 1990—1995 гг., любил пользоваться этим противоречивым изречением — «я за, и даже против».

²² Waszczykowski, W. 11. posiedzenie VII kadencji Sejmu. — 29.03.2012.

²³ См. выше.

²⁴ Sikorski, R. Informacja...w 2012 roku

²⁵ Wspólny list ministrów spraw zagranicznych Polski i Niemiec: Radosława Sikorskiego i Guido Westerwelle o stosunkach UE — Rosja // <www.msz.gov.pl>. — 17.11.2011.

²⁶ Sikorski, R. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011.

²⁷ Tusk, D. Informacja prezesa Rady Ministrów w sprawie przyszłości Unii Europejskiej // 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011. Премьер-министр Туск забыл, что его политическая среда, которая поторапливала президента Леха Качинского в ратификации Договора, рекламировала этот Договор как документ, который поможет ЕС эффективно принимать решения.

²⁸ Sikorski, R. Informacja bieżąca // 5. posiedzenie VII kadencji Sejmu. — 12.01.2012.

²⁹ Rosati, D. 3. posiedzenie Sejmu. — 15.12.2011.

³⁰ Sikorski, R. Polska a przyszłość Unii Europejskiej // Berlin, 28 listopada 2011 r. — <www.msz.gov.pl>.

³¹ Sellin, J. 11. posiedzenie Sejmu. — 29.03.2012.

³² R. Sikorski, Polska a przyszłość Unii, G. Schetyna, 3. posiedzenie Sejmu, 15 XII 2011 r.

³³ Polska przystępuje do paktu fiskalnego // <www.premier.gov.pl>. — 31.01.2012; Gładysz, M. Nie będzie spotkania Tuska z Hollandem. Premier nie jest zainteresowany // <www.rmfm24.pl>. — 05.03.2012.

³⁴ Wizyta Ministra Radosława Sikorskiego w Moskwie // <www.msz.gov.pl>. — 14.12.2011.

³⁵ Komunikat po rozmowie z Władimirem Putinem // <www.prezydent.pl>. — 07.03.2012.

³⁶ Przemówienie premiera Donalda Tuska na uroczystości wręczenia nagrody im. Walthera Rathenaua. 31 maja 2012 roku, Berlin // <www.premier.gov.pl>.

³⁷ Walaszczyk, M. Obama ubolewa // Nasz Dziennik. — 2—3.06.2012. — S. 5. Szerzej na temat zabiegu «podstawiania Polski» zob. Z. Musiał, B. Wolniewicz // Ksenofobia i współpraca. — Kraków, 2003. — S. 196—200.

³⁸ Стоит подчеркнуть, что хотя Польша и критиковала процесс Ю. Тимошенко, однако не поддержала немецкие постулаты бойкота части чемпионата Европы по футболу.

³⁹ Wystąpienie Ministra Spraw Zagranicznych RP Radosława Sikorskiego pt. Szczyt w Chicago: co z NATO po Afganistanie // <www.msz.gov.pl>. — 17.05.2012; Podsumowanie szczytu NATO w Chicago // www.prezydent.pl, 21.05.2012.

⁴⁰ Wizyta premiera Chin // <www.premier.gov.pl>. — 25.04.2012.

⁴¹ Sikorski, R. Szczyt w Chicago: co za NATO po Afganistanie? // <www.msz.gov.pl>.

Перевод с польского: к. пол. н. Елена Гебень